

Барбара Дипольд

Об игровом пространстве между нарциссизмом и динамикой инстинктов¹.

Обобщение: Автор понимает игру в рамках детского психоанализа как путь к подсознанию ребенка, которое создает «игровое пространство» для обработки конфликтов. Внутри этого игрового пространства происходят диалектические процессы. Исходя из наблюдений в детском психоанализе, описывается диалектика между нарциссизмом и инстинктивной динамикой, которая вышла из равновесия у душевнобольных детей. В начальных фазах лечения игры имеют по большей части нарцисстический характер и дают ребенку чувство всеислия. Они должны раскрыться без помех в виде критического дискурса или истолковывающих интервенций. На основе ставшего более уверенным чувства самоощущения инстинктивные конфликты все более поддаются обработке. Автор обсуждает, что должны принять во внимание аналитики, чтобы восстановить разрушенный диалектический баланс между нарциссизмом и динамикой инстинктов. Нужно создать и оберегать терапевтическую рамку, нужно сопровождать игровые фантазии детей эмпатически, но при этом трезво, и нужно контролировать обратную передачу.

Ключевые понятия: Игра — игровое пространство — нарциссизм — динамика инстинктов — диалектика — обработка конфликта — терапевтическая рамка — обратная передача.

Поводом к этой работе послужила книга в картинках «Там, где живут дикари» Мориса Сендака (1967). Там рассказывается история про Макса, который «носил свою волчью шкуру», т. е. был диким и грубым, за что мать его наказала, отправив в кровать без ужина. С этого началась его фантазия — путешествие к дикарям, которое увело его далеко от дома. Прибыв туда, он приручил дикарей, наслаждался своей властью над ними и стал в конце концов их королем. Однако через какое-то время он почувствовал себя одиноко и «захотел туда, где кто-то любил его больше всех». Он возвратился обратно домой, где его ждала теплая еда в его комнате.

Почему эта книга находит такой отклик у детей и родителей уже в течение 30 лет? Сендак рассказывает историю, в которой дети могут обрести себя вновь — и матери тоже. Имеется конфликт между матерью и ребенком — Макс подвержен инстинктам и получает наказание за непослушное поведение. Внутри рамок и границ, установленных матерью, раскрывается постепенно пространство его фантазии, которое становится все шире. Внутри этого пространства игровых событий он перерабатывает инстинктивный конфликт с матерью: идентификация с дикарями и связанные с этим фантазии всевластия выровняли нарцисстическую обиду, после чего он снова может вернуться к матери. На уровне реальности она позаботилась о нем: теплая еда в его комнате — это знак того, что ее эмпатия сделала для Макса возможным отдаление и приближение.

В этом маленьком произведении Сендаку мастерски удалось показать напряжение, в котором происходят фантазийные игры детей: между инстинктивными конфликтами с одной стороны и нарцисстическими потребностями с другой.

В основании моих размышлений лежит психоаналитическое лечение душевнобольных детей, в котором игра используется как существенное средство выражения, способ входить в коммуникацию по поводу своих душевных конфликтов, потому что дети еще не могут говорить о своих проблемах, как взрослые, но могут показать их в игре.

¹ Вестник психоанализа. № 1. 2005. С. 141.

Игра как возможность выражения и овладения ситуацией для детей

Игра — это существенная составная часть детства, потому что иметь время и место для игры является привилегией детей, по крайней мере в нашем культурном кругу и в наше время. Это не всегда было так, как показал Ариес в своей «Истории детства». Грудные и маленькие дети живут в странном разладе: с одной стороны, они зависят в своем развитии от готовности и способности родителей заботливо настроиться на их потребности; с другой стороны, они обладают способностью активно строить эти отношения и продвигать собственные потребности. Они способны вступать в активный диалог с матерью. Именно в связи с размышлениями по поводу игры важно понять эти врожденные, творческие, созидательные силы детей как двигатель их духовного и душевного развития. В удивительно высокой степени дети могут защищать себя и заботиться о том, чтобы они получили то, что им нужно для своего развития (Гёбель / Цаунер, 1990, стр. 108). Как Макс, дети черпают силы для этого в специфических возможностях воображения и символизации. С помощью внутренних представлений они имеют возможность перевести внешние и внутренние факторы, как, например, аффекты, желания, страхи и конфликты, в новое качество, что и является их собственным развитием. Таким путем они постепенно познают несмешиваемую идентичность. В воображении во время игры обрабатываются и интегрируются воспоминания, а также создается, апробируется и прочувствуется будущее. При этом положительным фактором является для детей то, что у них много будущего впереди и еще не так много истории позади. Они могут свободно и несвязанно развивать Собственное и Новое и не чувствуют себя обязанными своему нажитому знанию и искусственному опыту. Именно это делает детей в их игре такими оригинальными и небанальными.

Игра соответствует в своей структуре возрастным интересам ребенка, степени его зрелости и связанной с этим структуре мышления. Для того, чтобы описать степень зрелости на основании игры, можно составить ступенчатую последовательность на основании психологии развития Пиагета или психосексуальных ступеней развития Фрейда. Психологическая диагностика также использует выразительную силу игры, когда при помощи различных тестов (Сцено-тест, Мир-тест) на основе игровых сцен диагностируется степень развития собственного «Я», центральный конфликт или уровень объектных отношений. В последние годы были попытки разделения игр на категории: например, исследовались различные игровые формы у детей аутичных, психотических, с нарушенным чувством меры, нарцисстических и с нарушениями поведения (П. Кернберг, 1995); или описывались (Герцог, 1994) различные формы игры: символическая игра, моторная игра и интерактивное представление. Штрекк-Фишер (1997) различает игру развития, лечебную игру, игру без контроля и посттравматическую игру.

Размышления об игровом пространстве в детском психоанализе

В детском психоанализе игра имеет такое же ценностное место, как сон в психоанализе взрослых. Точно так, как Фрейд определял сон как путь к подсознанию, можно по аналогии с этим назвать игру дорогой к подсознанию ребенка. Игровые фантазии детей подлежат, как и сны, психической обработке, и поэтому их не так просто понять, их нужно расшифровывать. В детском психоанализе эту задачу приходится решать постоянно. Для того, чтобы понять, нужно сначала перевести игру на собственный, понятный взрослым язык. Чтобы потом соответственно, т.е. на языке ребенка и в игровых метафорах, можно было реагировать, необходимо будет перевести все это обратно, на уровень игры.

Если дети имеют возможность выражать в игре свои аффективные состояния, то их игра имеет лечебную силу, как это выяснил Цуллигер (1970). А особенно описал игру Винникотт (1973), обозначив ее интермедиарным (промежуточным) или потенциальным пространством глубокого воздействия игры.

Далее я хотела бы сообщить о своих наблюдениях этого игрового пространства, которые я делала в последнее время во время проводимого мною лечения и повторных наблюдений. Что необходимо для того, чтобы превратить «игровую комнату» в «игровое пространство», в котором может происходить игра, которая не принадлежит ни к исключительно внутреннему миру ребенка, ни к его только внешнему миру? Под игровым пространством я понимаю промежуточное пространство, которое Винникотт называет также потенциальным разделом или потенциальным пространством. Я буду в дальнейшем использовать эти понятия как синонимы. С их помощью Винникотт описывает (1973, стр. 116) промежуточный раздел «между субъективным объектом и объективно воспринимаемым объектом, между «Я» и «Не-Я». Этот раздел создается из взаимоотношений между исключительным переживанием собственного «Я» («нет ничего, кроме меня») и переживанием объектов и феноменов вне своего «Я» и вне своего собственного всемогущего контроля.

Потенциальное пространство характеризуется диалектическими процессами. В духе Гегеля (Гегель, 1807) это два противоположных понятия, одно из которых всегда создает, накладывает свой отпечаток, поддерживает и отрицает другое, потому что они всегда находятся в динамичных, постоянно меняющихся отношениях друг с другом (Огден, 1997, стр. 4). В рамках межличностной диалектики субъект и объект создают друг друга и взаимно поддерживают друг друга. Один не существует без другого, и значение вырастает из различия. Нет сознания без подсознания, нет матери без младенца, потому что мать создает его, а он создает мать. Мать существует в форме поддерживающего окружения, в котором потребности младенца выполняются незаметно и как нечто само собой разумеющееся. Двуединство матери и младенца существует в разделе иллюзии. Рядом существует мать как реальное лицо, которая, например, выполняет кроме роли матери еще роль жены, которая еще прервала свою учебу или находится в отпуске по уходу за ребенком. Как говорит Винникотт (1956), в этом первичном разделе еще нет символов, но царит нетронутое состояние «непрерывного бытия». Это состояние, которое является и передним планом, и фоном, станет в последствии фоном для приобретения опыта.

Но никакое двуединство не может быть настолько совершенным, чтобы там не возникало проблем при приспособлении, и ребенок должен принимать фрустрации, эти первые признаки дальнейшего раздельного бытия. Если сообщение об отделении происходит осторожно, то ребенок сможет интегрировать возникающие фрустрации без развития патологических мер защиты или страхов. Эти процессы первой реализации отделения происходят в возрасте от 4 до 12 месяцев, и в этом контексте ребенок создает переходные объекты для того, чтобы справиться с отделением.

Я хотела бы продолжить размышления Винникотта и Огдена и поразмышлять о феномене этого потенциального пространства, а именно о диалектической паре инстинкта и нарциссизма. У здорового ребенка, как у Макса из книги, обе линии развития находятся в относительном равновесии друг с другом. В момент фрустрации его инстинктивных потребностей Макс компенсирует это нарцисстической фантазией в виде путешествия к дикарям, он становится даже их королем. Но все-таки эмоциональное притяжение к матери так велико, что он возвращается. Его мать «достаточно умна» и эмпатически в разумной мере

уменьшает фрустрацию; Макс обнаруживает в своей комнате теплую еду. В процессе преодоления конфликта с матерью при помощи игровой фантазии он приходит к созреванию своей личности.

Проблема диалектики между инстинктом и нарциссизмом особенно заметна при работе с тяжелыми детьми, потому что у них эта диалектика нарушена и оба полюса, которые должны быть вместе, удалены друг от друга. Из-за превышения меры фрустрации либо избалованности в первой фазе жизни не смогло развиваться потенциальное пространство между матерью и ребенком, и таким образом здоровое диалектическое ограничение в рамке между инстинктивными потребностями и его нарциссизмом оказалось разорвано. По поводу здоровых ограничений я процитирую Белу Грунбергер (1976, стр. 11–12): «Вырываясь вперед из глубины жизни инстинктов, нарциссизм следует все время по одной линии, которая проходит параллельно развитию инстинктов. В процессе своего наслоения и разнообразного реагирования на это развитие он переходит в конце концов, каждый раз в общих чертах, в синтез, в котором обе части больше не остаются независимыми друг от друга. ...Во время фазы своего формирования в качестве автономного фактора нарциссизм вступает с инстинктивным компонентом в специфическое диалектическое взаимоотношение».

Этот феномен, описанный Б. Грунбергер, я хотела бы разъяснить в соотношении его с игрой и с игровым пространством в детском психоанализе, на основании метафоры с картиной в раме: внутри рамы в центре находятся инстинктивные потребности ребенка и его нарциссизм. Они окружены аналитическим отношением. Рама картины представляет собой рамку анализа со всеми надлежащими формальностями. Для того, чтобы локализовать игру на этой картине, необходимы возможности трехмерных представлений, тогда игра охватила бы всю внутреннюю поверхность картины, с инстинктами и с нарциссизмом и с терапевтическим отношением, потому что лежащие в их основе силы и содержания должны быть подчинены как инстинктам, так и нарциссизму и должны раскрыться внутри терапевтического взаимоотношения. Рама картины как терапевтическая рамка остается не затронутой игровыми событиями.

Во всех анализах, до начала обработки конфликта, сначала нужно раскрыть потенциальное пространство, независимо от степени нарушения у ребенка или от его возраста. Это происходит в начальных фазах на основе различных игр, которые носят нарцисстический характер и способствуют переживанию ребенком всеильности. Значит ли это, что ребенок хочет быть лучшим в игре «Монополия», или успешнее всех борется с оружием, или лучше всех играет в футбол — решающим является то, что в этих играх без помех со стороны критического дискурса или истолковывающих интервенций разворачивается пространство, в котором ребенок может быть самим собой, со своими нарцисстическими потребностями, которые не будут поставлены под сомнение.

Я хотела бы показать это на некоторых игровых виньетках семилетнего Даниеля. Он был представлен мне из-за энкопреза, сильных страхов и интенсивных агрессивных стычек с матерью. Он заикался и страдал, кроме того, из-за нестойкого здоровья частыми инфекциями дыхательных путей со склонностью к астме. Создание игрового пространства между ним и его матерью было затруднено тем, что ей приходилось слишком много работать, и Даниель в течение первого года жизни имел 7 различных нянь. Во время беременности у нее было представление, что у нее родится совершенно особенный человек, своего рода мессия.

Он дисфоричен, напряжен и агрессивен. На третьем сеансе терапии он устраивает из большой игровой комнаты футбольное поле. Наш мяч из поролона.

Ребенок устанавливает двое ворот, очень неодинаковых: мои слишком велики, так что его удары почти всегда попадают в цель, а его ворота так малы, что у меня практически нет шансов. Он играет проворно и умело, забивает один гол за другим и насмехается надо мной: «Ты хромая, ты вообще не можешь забивать, ну бегай же быстрее!» Он высмеивает меня, издевается. Чувствуется, что крупная победа жизненно важна для него. Всеми способами он старается не позволить мне забивать голы. Меня задела его проективные идентификации, я чувствую себя несправедливо атакованной и хотела бы его упрекнуть хотя бы за то, как нечестно, например, неодинаково установлены ворота. Настроение напряженное, я до крайности напрягаюсь, чтобы удержать свои чувства под контролем. Кажется, что для него это вопрос жизни и смерти. Но когда я восхищаюсь его умелости и ловкости и удивляюсь тому, как он мужественно бросается на пол, чтобы поймать мяч, это оказывает на него отчетливо успокаивающее действие. Черты его лица расслабляются. После каждого занятия он кричит своей матери, которая ждет в приемной: «Сегодня я выиграл 20:3!» или «Сегодня она вообще не забила ни одного гола!». Это длится долго — много недель подряд мы играем в футбол, пока он постепенно не становится мягче: он, например, меняется со мною воротами или рассказывает мне об особых футбольных трюках. В конце концов кажется, что его нарцисстические потребности настолько удовлетворены и игровое пространство настолько развито, что можно обратиться к инстинктивному динамическому содержанию в символической игре.

Сначала мы играем в рыцарскую крепость. Она принадлежит ему. Все башни и зубцы он занял хорошо вооруженными рыцарями. Подъемный мост высоко поднят, никакой чужак не сможет попасть внутрь. Я стою перед крепостью в виде группы плохо вооруженных рыцарей и должна завоевать ее. Я пытаюсь перепрыгнуть крепостной ров, но тону в нем. Я пытаюсь вскарабкаться на стену, но меня закалывают сверху. Я хочу разочарованно отказаться от дальнейшего завоевания крепости оставшимися рыцарями, но он подталкивает меня к продолжению. Через несколько занятий — я постоянно должна была пытаться прорваться в крепость — я следую своему собственному неосознанному игровому озарению и предлагаю ему построить на другой стороне комнаты дом для моих рыцарей. Это ему нравится, он участвует в этом: деревья на заднем плане, животные, озеро, все окружается стеной из строительных кубиков. Он явно может более самостоятельно сопереживать вместе со мной и уже не нуждается во мне исключительно как в олицетворении части своего негативного «Я». Но затем его рыцари нападают на меня. Моя стена не выдерживает атаки, некоторых рыцарей берут в плен, остальных убивают.

На следующем занятии он развивает эту игровую фантазию. Я получаю настоящий дом. Для этой цели освобождается кукольный дом. В окнах он располагает крысу, огромного паука и динозавра, которые смотрят на его крепость. Он приходит для боя со своими рыцарями. На этот раз ему трудно победить таких сильных противников, но это ему все-таки удастся. Правда, борьба затягивается, потому что опасные звери защищаются. Когда я задумчиво говорю: «Вот какой дом, с опасными зверями...», он отвечает: «Да, тут пожалуй испугаешься». От родителей я знаю, что дома его страх так велик, что он не может пойти один на верхний этаж дома, где находится его комната. Маленький брат или один из родителей должен сопровождать его туда.

Способ его обращения с объектом изменился со сменой игры в футбол на игру в рыцарскую крепость, потому что мы играем теперь на символическом уровне. Я теперь, в игре в крепость, не просто госпожа Дипольд, как было в игре в футбол, я теперь более слабая группа рыцарей. Обратная передача теперь облегчена, потому

что я не являюсь более прямой мишенью его насмешек и его презрения. Но так же, как и раньше, нарцисстические потребности стоят на переднем плане. Его крепость неприступна, он силен, я слаба и достойна презрения, у моих рыцарей нет никаких шансов; но несмотря на это, они должны все время бороться снова, чтобы снова стало отчетливо заметным его всесилие. Игра в футбол также изменилась: она нужна ему только как краткий эпизод в начале каждого занятия, чтобы почувствовать свое всевластие перед тем, как он сможет обратиться к пугающему инстинктивному содержанию символического уровня.

Особенно не хватает игрового пространства в психоанализе тяжело страдающих, травмированных пациентов в начале их анализа. Поэтому они нуждаются в начальной фазе, в которой они позволят царить своему всесилию и испытают свое всевластие. Им нужно иметь возможность для проективных идентификаций, когда они передают часть самих себя своему аналитику и давят на него, чтобы он вел себя и сопереживал именно так, как того требует проективная фантазия. Он перерабатывает эту проекцию на основе своей эмпатии к пациенту, который в конце концов сможет принять обратно свой собственный аспект, модифицированный через аналитика. Таким образом, в регрессивной лечебной ситуации дети создают себе игровое пространство, которого до этого у них никогда в жизни не было в достаточном объеме. Это в первую очередь создает основу и пространство для обработки конфликтного материала при анализе. Терапевтически применить эти откровения трудно, потому что мощные психические силы аналитика пытаются сопротивляться проективным идентификациям пациента. Я хотела бы назвать некоторые противодействующие рационализации. Я не хочу позволить ребенку принуждать меня физически. Я не хочу позволить ему постоянно принуждать меня к активности, которой я собственно не желаю. Я пугаюсь своих собственных сильных аффектов, прежде всего своей ярости; я замечая, что теряю свои собственные эмпатические возможности и размышляю: «Нехорошо, что я позволяю ребенку всегда ставить меня в слабую позицию, потому что я в таком случае не могу быть опорой для него, поэтому я должна прервать эту игру и дать ему больше опоры и структуры; и не должна ли я уже начать истолковывать, что здесь собственно происходит?» Проективные идентификации тяжело переносятся, потому что вызванные ими сильные аффекты приходится переживать реально, и они не могут быть восприняты как некая игровая конструкция. Это можно понять как «Негатив игры» (Огден, стр. 15) или «Негатив контакта».

Об аналитической работе внутри потенциального пространства: еще одна виньетка из 55-го занятия с Даниелем.

Мы играем в футбол.

— Какой командой ты был всегда?

— Аутсайдером Фрайбург.

— Я Дортмунд. ...Твои ворота могли бы быть поменьше, так, на 2 сантиметра, нет, лучше на 1.

Я подвигаю кресло-ограничитель немного к середине.

— Так хорошо.

Когда счет становится 6:2, он говорит:

— Мы должны начать игру сначала.

— Потому что у меня слишком много голов?

Он кивает, и мы улыбаемся друг другу дружелюбно и понимающе.

Следующий гол, который я забиваю ему в игре, он не хочет засчитывать. Я замечая, что злюсь, и говорю ему:

— Это мне не нравится. Думаю, нам нужен арбитр, потому что мы слишком

часто спорим, были ли мои голы правильными и нужно ли их засчитывать.

— Тогда возьмем моего отца арбитром, нет, это нехорошо, лучше моего брата, он всегда скажет, что я прав.

Во время одной стычки из-за мяча мы дико боремся за мяч и останавливаемся, громко смеясь. Радость — это что-то совершенно новое. Но он все еще не признает забитые мной голы, что я не сношу больше молча, как это было в начальной фазе анализа. Я сержусь, четко протестую и заявляю в конце концов, что больше не хочу играть, если я не получу справедливых шансов. Я внутренне выхожу из игры, не хочу больше бороться, прекращаю и позволяю его броскам попадать в ворота без обороны. Пусть побеждает! Но он громко протестует:

— Госпожа Дипольд, ты должна по-настоящему вести мяч, давай, мы должны по-настоящему бороться, а иначе игра не доставляет удовольствия!

— Но тогда я хочу честной игры.

При счете 22:5 мы прекращаем минут на 20. В этой виньетке стало четко видно, что потенциальное пространство стало уже настолько большим, что мы уже можем спорить во время игры по поводу нашего различного восприятия реальности, и я снова могу располагать своим правом и своей индивидуальностью. После этого он обращается к игре в доктора, об этом в заключение следующая виньетка:

— А теперь поиграем в доктора. У нас вообще есть еще время? Ты больна и пришла к врачу. Что у тебя? Болит живот? Ложись сюда! Подними свою блузку, я тебя послушаю!

— Я сделаю так, как будто я поднимаю блузку.

— Так не будет интересно, ну пожалуйста, госпожа Дипольд, подними ее, совсем немножко!

— Я не хочу, и ты это знаешь. Но я могу в это сыграть, я как будто подниму свою блузку. ... Мы же очень хорошо играли в рыцарей в крепости, а ведь они тоже не были настоящими.

— Скажи, ну почему, почему ты не хочешь, для тебя это тягостно, да? Я ничего не скажу маме, хотя она меня всегда спрашивает: «Во что же вы играли?» Вот это для меня тягостно.

— Я не хочу играть с детьми в игры, которые им тягостны, но я очень хотела бы понять вместе с тобой, почему я непременно должна поднять свою блузку.

Он смотрит на меня, я продолжаю:

— Я знаю, что мальчикам иногда ужасно интересно, как выглядит взрослая женщина.

Он кивает и смотрит потом на большие часы на стене.

— Уже так поздно, мы теряем так много чудесного времени, ну сделай же! А если ты не хочешь поднять свою блузку, тогда брюки, одно из двух!

— Я вижу, ты хочешь заставить меня делать то, чего тебе хочется.

Он смеется:

— Да.

После некоторого раздумья:

— Или ты никогда этого не сделаешь? .

Я киваю.

— Тогда поиграем во что-нибудь другое.

Он приносит боксерские перчатки, и мы начинаем боксировать. Мы деремся сильно, но с весело, не яростно и не подло. Он уходит с занятия довольным и уравновешенным.

В этой игровой секвенции тот момент, когда Даниэль требует от меня, чтобы я подняла блузку, он смешивает пространства реальности и фантазии и выходит

таким образом за рамки игры. Мы вдруг лишаемся игрового пространства, и игра становится серьезной. Я восстанавливаю рамку, заботясь о том, чтобы игра оставалась игрой.

Если проследить все предыдущее течение лечения, с игрой в футбол в начальной фазе, с крепостью в символической игре и последующей игрой в доктора, то выяснится, что Даниель в потенциальном пространстве на основе улучшившегося ощущения самооценности может выказывать фаллически-эдиповы инстинктивные импульсы. Мы можем это обсуждать, обойтись с этим как с игрой, и в конце концов он принимает фрустрацию, не прерывая контакта. Он воспринимает меня как личность с собственными правами, и я уже больше не являюсь, как в начале, продолжением его собственного «Я».

Как правило, он быстро восстанавливает игрой в футбол в начале занятия потенциальное пространство, которое нужно ему для обработки своего нарциссического сдвига. Возможно, что вскоре он сможет вообще отказаться от этого, потому что в нашем пространстве он теперь достаточно уверен в себе и без актуального опыта всеисцеля.

Требования к аналитику

Какие задачи должен принять на себя аналитик, чтобы для пациента открылось игровое пространство, нужное ему для преодоления конфликта и созревания личности? На уровне реальности нужно создать рамку, внутри которой раскроется игровое пространство пациента. На уровне игры он должен интегрироваться вместе с пациентом. Оба уровня не должны смешиваться.

1. Установлением места, времени и образа действия, которые являются объектом так называемой договорной беседы, устанавливается рамка. К условиям рамки принадлежит также наличие подходящего игрового материала (песок, кукольный домик, куклы из кукольного театра, рыцарская крепость, наборы для рисования и т. д.) в «игровой комнате» (не в «лечебной комнате»!). В начале каждого занятия специфическая рамка устанавливается заново, когда пациент открывает свое «игровое пространство», в котором он может начать тематизировать свои дефициты, травмы и/или конфликты.

2. Внутри этого игрового пространства роль аналитиков становится другой: они должны эмпатически войти в игровой мир ребенка, должны принять роль, которую ребенок выделяет им в игре, и должны играть вместе с ним. Но:

3. при этом нужно сохранять трезвую голову, т. е. нужно держать собственные чувства под контролем и использовать их для обратной передачи, нельзя «входить в роль», например, желать победы или преследовать собственные интересы, поскольку эта часть является самой контролируемой.

Для этого необходима достаточно стабильная саморегуляция. Она может подвергаться опасности, когда, например, аналитик так измучен сопротивлением пациента, что не может понять это как нужную и своевременную игру, а воспринимает происходящее как реальность. Особенно такое может происходить при так называемых ранних нарушениях, при которых требуется как правило регулирующий третий (например, при повторном наблюдении), который помог бы потом при разборе сплетений прямых и обратных передач.

4. Нужно заботиться о том, чтобы рамка все время оставалась на месте. Например, для игры в футбол в комнате существует договоренность, что мяч нельзя пинать в высоту, или при игре в песочнице нельзя нарочно выбрасывать наружу песок. Если эти договоренности не соблюдаются, я восстанавливаю границы, сначала четко напоминая про договоренности, а если этого оказывается недостаточно, я прекращаю игру. Также и в конце занятия нужно следить за тем,

чтобы закончить его своевременно. Таким образом меняется уровень, и пациент и аналитик прощаются друг с другом уже как реальные лица.

Я обобщаю и заканчиваю: Аналитики создают на уровне реальности рамку, открывают тем самым ребенку игровое пространство, играют с ним: они эмпатически, но трезво-отражающе сопровождают его на этом уровне, заботятся о стабильности рамки и выходят вместе с ребенком обратно на уровень реальности. Если эти условия аналитиком не выполняются, то ему не удастся раскрыть потенциальное пространство. У пациента тогда появляется необходимость усиления обороны и стабилизации неверного «Я».

Но если возможности игрового пространства используются терапевтически, то через эмпатию создается такая защита, что пациенты могут ослабить свое сопротивление. Затем они могут отважиться на обработку нарцисстических ран и инстинктивных конфликтов и обсуждать это во время терапевтического контакта. Тогда они смогут прийти к диалектическому ограничению нарциссизма и инстинктов.